

ДЕБЮТ

С.В. Алейников

ПЯТЫЙ ВЕЧЕР

Аннотация: жизнь истончается. С каждым минутой. Против этого нет лекарства. Но мы все равно продолжаем его поиски...

Вы — творчески талантливы? Не обольщайтесь — ненадолго. Пройденный вами путь уже приготовил задуманный конец. Вдруг, вы понимаете это. Начинаете искать выход. И вот на горизонте замечаете дверь... В вас поднимается изможденная надежда. Дверь! Спотыкаясь, вы бежите к ней. Открываете ее за позеленевшую медную ручку... Ликующее сердце останавливается. Дверь это не всегда выход, иногда это зеркало. Говорящее зеркало.

Ключевые слова: филология, ЛСД, кризис, прошлое, бессознательное, уныние, депрессия, творчество, защита, судьба.

Слушай, слушай! -
Хрипит он, смотря мне в лицо.

Сам все ближе
И ближе клонится...
«Черный человек»

С. Есенин

Мама, мы все тяжело больны...
Мама, я знаю, мы все сошли с ума...
Все тяжело больны...

В. Цой

1.

Блог Евгения Деньских Запись от 5 января

Сегодня, я первый раз за этот год посмотрел в окно. Я увидел Солнце. Друзья, оно прекрасно! Зима — старушка смилостивилась, все-таки открыла пасмурную темницу и позволила своему золотому пленнику чуть-чуть погулять на голубом поле небосвода.

Сегодня хороший день! Вы только посмотрите на небо и на улыбающееся Солнце. Кстати, не упустите возможности поболтать с ним! Зимние дни такие короткие...

А теперь по поводу сегодняшнего вечера. Вечером, жду вас на обещанном квартирнике у Андрея Лютикова. Все будет как и обещали. Вас ждет много пива! Хорошим пивом мы будем создавать контраст моим менее хорошим песням. Начинаем как всегда в 19, потом ждем, и начинаем в 20 (плюс-минус вечность:)).

Евгений окончил печатать, сделал глоток из стоящей рядом с ноутбуком бутылки «Клинского», перечитал запись, немного подумал и нажал на «отправить».

Он откинулся на спинку кресла и вздохнул. Вечером, всех ждут только истерзанные «хиты», ничего нового. Наступивший год не уподобился зимнему волшебнику и не подарил ему в свои первые, новорожденные дни, ни одной идеи, даже для паршивенькой песни. Он закрыл глаза и мысленно окинул прошедший год. В некотором роде было даже занятно наблюдать как пресность и однообразие все больше и больше наполняют его жизнь. Каждый час. Каждую секунду.

- Мое уныние превратилось в мою кожу — со слабой ухмылкой сказал он лежащему перед ним ноутбуку — тот поддакнул красным светодиодом и окончательно отключился.

Это оригинальное определение, посетило его в прошедшем декабре, когда, стоя на коленях у унитаза стилизованного под средневековое подземелье туалета столичного клуба, он выблевывал месиво из желудочного сока, виски и остатков роллов «Калифорния». Сначала, на поверхность его сознания всплыла когда-то увиденная фотография одного из пляжей Флориды, потом, пошли ассоциации: он подумал о креме для загара (в Калифорнии чертовски жарко) и о неграх. Затем, после очередной рвотной очереди (когда недовольный желудок особенно болезненным блевком поставил точку в спорах о первичности материального) подала голос старая знакомая — стоявшая все это время за спиной Алкогольная Печаль (которую иногда подменяла Наркоманская Угнетающая Депрессия). «Крем, — нежно прошептала она, — лучше покупать водостойчивый,

иначе он смоешь, когда ты будешь плавать в водах Тихого Океана, в его противоречиво больших волнах... А впрочем, — сказала Алкогольная Печаль, отбрасывая со своего лица маску заботы и глубоко вздыхая, — ты же понимаешь, что такое «Океан» и где он. Поэтому, купи себе в переходе водостойкий крем от загара и не проспи работу. Уныние это все... Это твоя кожа».

Чем дальше шло время, тем четче из горькой табачной дымки проступали очертания пугающего будущего. Будущее в представлении Евгения, это заранее определенный, неминуемый спад. День «Ненаступления» был все ближе. В этот день он просто не возьмет свою гитару и не пойдет на очередной квартирник или репетицию. День, в который он останется у себя дома, будет лежать на стареньком диване и смотреть в серый потолок своей квартиры.

Причин для столь пессимистического взгляда на собственное будущее было немного. Среди них главная: он иссяк как поэт-песенник. Его творческие идеи уже как год не отличились свежестью. По сути, он повторялся. Стихи, которыми он время от времени мучил свой блокнот, являлись пере-пересказыванием одной-двух идей (неизвестно когда появившихся) и от которых, он не мог просто так избавиться. На них словно на несущих стенах зиждилась все его мировоззрение. Вокруг них, вращалось все его пресловутое творчество. Что это были за идеи? Он так и не смог их определить. Страсти к анализу он не испытывал.

Тупую боль безысходности, разбавляли ежемесячные сольные акустические, реже электрические концерты, проходящие в московских клубах и на квартирах его обширного круга знакомых. Его любили. У него были свои обожатели. Это ему нравилось, он с благодарностью алкал бьющую любовь. Пока еще бьющую... В маленьком театре женой жизни заканчивалось последнее действие и судя по всему, его творческий конференсье уже готов был объявить о конце спектакля (он уже слышал как тот вежливо кашляет).

Евгений допил потеплевшее пиво, встал со стула и побрел на кухню готовить завтрак, который состоял из неизменной вермишели с сыром и сладкого черного чая.

2.

День прошел быстро. Был вечер. Евгений сидел за рулем черных «Жигулей» шестой модели, слушал радио «Энергия» и пытался согреться в потоках теплого воздуха выдуваемого плохо работающей печкой. Зима выдалась морозной. Покидать машину не хотелось. Евгений держал ладони на руле и задумчиво смотрел на черный, заносимый мелким снегом капот. Он слушал Цоя. Доносившаяся из сырых колонок песня, была не из

плохих — немногословной и простой как его домашний диван, но наводила такую тоску, что как говорить, хоть в петлю полезай:

*Ночь.
День.
Спать лень.
Есть дым,
Ну и черт с ним.
Сна нет,
Есть сон лет.
Кино,
Кончилось давно.
Мой дом,
Я в нем.
Сижу,
Пень-пнем.
Есть свет,
Сна нет.
Есть ночь,
Уже уходит прочь.
Стоит таз,
Горит газ.
Щелчек,
И газ погас.
Пора спать.
В кровать.
Вставать,
Завтра вставать.*

Всю эту бытовую вакханалию сопровождала дико гнусный аккомпанемент расстроенной гитары. Евгений раздраженно побарабанил по рулю и посмотрел на пассажирское кресло. На нем, в гляцевом кожаном футляре лежала его гитара. Он вытащил ключи из замка зажигания и заглушил двигатель, прервав депрессивную, умирающую песню, не дожидаясь окончания. Лидер «Кино» с каждым годом нравился ему все меньше и меньше. Особенно сейчас. Он-то думал, что почти освободился от утренней депрессии, но из-за этого русского недокорейца она только укрепилась. Евгений схватил гитару и вылез из машины.

У подъезда с сигаретой в зубах («Парламент» без фильтра), съезжившись (белая рубашка с закатанными рукавами, под ней черная майка с обязательным вокалистом «Рамштайна») его ждал Павлик Никишин — барабанщик группы «Воронь», в которой Евгений был вокалистом.

3.

Дверь открыл Андрей Лютиков, одетый в белую футболку, черные спортивные штаны и изношенные тапочки неопределенного цвета. На груди черным, хорошо

читаемым шрифтом была нанесена загадочная фраза: «НАМ НИКОГДА НЕ БЫЛО БОЛЕЕ.». Бледное лицо открывшего, с глубоко посаженными глазами и длинным, тонким, чуть крючковатым носом, погрузилось в тяжелую подъездную мглу. Игра теней с бьющим из открытой квартиры тусклым светом, придавала лысому другу Евгения черты какого-то потустороннего существа. Существо, широко улыбнулось и протянуло руку для приветственного рукопожатия.

- Жень, закрывая за собой входную дверь, — сказал Андрей, — сразу говорю, народу собралось немного.

- Прямо сказать мало... — поддакнул Павлик. Протиснувшись между Андреем и Женей, он нырнул в открытую ванную комнату, где закрылся на дребезжащий шпингалет.

- Ты не расстраивайся, — проводив Павлика взглядом, сказал Андрей, — сам понимаешь — праздники. Все такое... Может подтянуться, — Андрей кивком головы указал в сторону большой комнаты, — у меня все готово. Там елка кстати. Ты сейчас проходи на кухню. Посидим. Много всего хорошего есть. Скучать не будем. Есть все. И маленькое и большое. Идем. Андрей захлопнул вторую, обтянутую черным дерматином входную дверь и пошлепал на кухню. Немного сникший Евгений проследовал за ним.

4.

В целом неплохо. Расслабившись после трех гашишных затяжек Евгений уже практически не переживал по поводу разладившегося вечера. Он слушал Андрея. Тот, от сожалений по поводу не пришедших гостей, перешел к обсуждению деталей, намеченного на май концерта их группы, в которой Андрей вот уже на протяжении пяти лет был несменяемым гитаристом.

Перед концертом они планировали провести не менее дюжины репетиций. Все было бы хорошо, если бы неделю назад, их старое место для репетиций, где они собирались последние три года, — старый подвал, двух этажного особняка 18 века, недалеко от станции «Боровицкая», не сравнивали с землей.

До самого сноса, они надеялись на более благоприятный исход. Но как оказалось, если старинный дом вдруг объявляют аварийным, а потом покрывают зеленой сеткой, которую прибавают к стенам длинными зубилоподобными гвоздями, конец очевиден — здание обречено. После того как в каждый квадратный метр его вековых кирпичных стен, вбили по огромному гвоздю, по ним и вправду поползли угрожающие «аварийные» трещины.

Владелец, извинился, развел руками и сослался на соответствующий пункт в их договоре аренды.

- Хуеголовые забили все кошеры дома в центре. Есть другое место, не центр конечно, но помещение хорошее. Большое. Репетировать сможем по ночам. Неудобно, но хоть что-то и оборудование там хорошее. Это бывший клуб. В котором сейчас кафе устроили, работает до 23. До 8 утра помещение в нашем распоряжении — устало закончил Андрей. Он достал из пачки «Честерфилда» сигарету. Закурил. Потом о чем-то вспомнив, зажал сигарету в зубах, полез в карман своих черных штанов. Достал от туда памятную пачку «Парламента», из которого вытряхнул два кубика сахара рафинада. Андрей вопросительно посмотрел на Женю. Тот несколько мгновений непонимающе смотрел на протянутую ладонь с сахаром. Наконец поняв, что ему предлагают, кивнул и взял себе один. В такие вот кубики сахара, подпольные химики капают диэтиламид d-лизергиновой кислоты. Вещество, которое людям не посвященным известно как ЛСД.

- Сладкая форма для кислоты. — С улыбкой прокомментировал Евгений, повертев маленький белый кубик между пальцами, он отправил его под язык.

Андрей, также принял свой сахар. Поморщился.

- Ненавижу сахар. Взяв за зеленое горлышко стоявшую рядом бутылку «Жигулей» сделал глоток. Пиво он не проглотил, а стал методично полоскать им свой рот, растворяя наркотик. Андрей закрыл глаза, прислонил голову к пожелтевшей от времени кафельной плитке и замер.

Евгений, посасывая быстро тающий кубик сахара, осмотрелся. Народу действительно было немного. За кухонным столом, кроме его подруги Светы, сидели три парня, из которых он узнал только Олега — своего клавишника. Сидящие слушали басистого мужика одетого в толстый коричневый свитер с большим объемистым горлом. Мужик, рассказывал что-то о последней железнодорожной поездке в Иркутск. По правую руку от рассказчика, спиной к Евгению, сидел другой неизвестный слушатель, он время от времени часто-часто мотал головой и воодушевленно поддакивал — «да-да», мол, так оно и было. Рассказчик перешел к следующей части своего повествования, главным героем которого был старик машинист Степа, страдающий отменным алкоголизмом и невероятным чувством юмора, состоящее из переиначенных поговорок и двух героев «Хера» и «Твоей Манды».

Евгений потерял интерес к сидящим за столом и посмотрел на играющего на гитаре Павлика Никишина, справа от которого примостилась его несовершеннолетняя воздыхательница Маша, — девочка-готка. Та сидела с закрытыми глазами, зажав между согнутыми коленами

кисти рук, в которых держала зеленую бутылку «Туборга». Над Павлом, возвышались еще два слушателя — кто-то из давних знакомых, чьих имен он не помнил. Готка, видимо, войдя в экстаз от музыки своего мастера, медленно раскачивалась — извивая свое юное, но вполне сформировавшееся тело в своеобразном тихом танце.

Это почему-то растрогало Евгения, он улыбнулся, барабанщиком Павлик был отличным, но вот гитаристом — никаким. Только по стихам песни, которую он пел своим тихим голосом, Евгений понял, что играет «Печаль» Цоя.

Сидящий рядом Андрей зашевелился и поднял откинутую голову. Синяки под его глазами стали еще четче и сейчас напоминали свежие фингалы. Зрачки расширились, оставив от роговицы миллиметровый ободок. В этих глазах полыхал огонь подсматривающего безумия. Андрей, не отрываясь, смотрел в сторону окна и бормотал, шевеля сухими потрескавшимися губами, будто говоря с кем-то. Евгений проследил за его взглядом.

Как окно, так и подоконник сами по себе были малопривлекательны. Неизвестно сколько раз перекрашиваемые в непременно «оконный» — белый цвет, они всегда возвращались к своему родному — грязно-серому. Постаревшие, износившиеся деревянные рамы, каждую зиму затыкали разнообразными утеплителями: марлей, ватой, газетами, поролоном. Причем, весь этот материал никуда не выбрасывался его использовали раз за разом, снова и снова. Лениво свисающие вдоль рам длинными бумажные полоски, говорили, о том, что хозяин квартиры в последнее время отдавал свое предпочтение малярному скотчу. Последний, явно не оправдывая возложенного на него доверия, постоянно отклеивался и вообще не желал выполнять назначенную ему задачу, целью которой была защита кухни от холода. В этой своеобразной рамке, на холсте запотевшего стекла, чей-то палец вывел название старой песни «Воронов»: «Лишь только так». Слова были подчеркнуты двумя параллельными линиями и уже начинали исчезать.

Слова на стекле и старое, испорченное временем окно, конечно же не могли привлечь внимание сильнее куклы, сидевшей в левом углу широкого подоконника. Именно на куклу смотрел Андрей, и именно с ней он разговаривал. Это была старая советская кукла-блондинка с потемневшим от времени лицом, испорченными (когда-то на них пролили белую краску, поэтому правая сторона ее объемной синтетической прически была залита посеревшей от времени эмалью, а левая, собрана красной резинкой) волосами и живым наблюдающим глазом, второй был забинтован черной матерчатой изо-

лентой. Отсутствие глаза, отнюдь не являлось, совсем уж очевидной потерей, — в темное время суток, левая сторона лица куклы отражалась в окне, вот там-то она и обретала свой утраченный правый глаз. Чуть выше носа, посреди ее большого лба виднелось маленькая дырочка от сигареты, с почерневшими краями плавленого пластика. Одеждой для куклы служил черный платок перемотанный на поясе желтой резинкой от основания презерватива.

- Это ее отметина... — постукивая себя по лбу указательным пальцем, тихо, с дрожью в голосе сказал Андрей. — Эта Ее отметина — знак первой ночи. Это укор. Это ее глаз. Это смотрящее Прошлое. Смотрящее ПРОШЛОЕ! Она — это склад. Она смотрит и знает, она все знает! Она смеется. Ты посмотри на нее Женя, она смеется! Боже! Боже мой...

Атеист-Андрей начал быстро нашептывать явно искаженную песнь Пресвятой Богородице: «Богородица дева, радуйся, благодатная Мария, Господь с Тобою благословенна ты в женах и благословен плод чрева твоего, яко Спас родила и души наши».

Женя вгляделся в лицо куклы, она действительно улыбалась. Улыбалась еле заметной циничной улыбочкой.

Лицо Андрея скривилось в страдающей гримасе.

- Она съедает мои внутренности, Женя... Она съедает мои внутренности и рассказывает мне СВОЮ историю. Она заменяет ЕЮ мои внутренности. Я не могу ОСТАНОВИТЬСЯ... Женя! Женя...

Андрей резко схватил себя за грудь, с силой сжал ее в своих длинных худых пальцах и начал неуклюже массировать.

- Давит, давит, ДАВИТ... - простонал он. Глаза Андрея расширились, он опустил руку и замолчал прислушиваясь.

Клубок времени переплелся с окружающим гулом разговоров, музыки и смеха, образовав нечто подвешенное и не определенное. Как долго они вот так сидят? Сколько времени прошло? Евгений сглотнул слюну (будто проглотил подшипник. Подшипник шлепнулся в желудочный сок и вызвал прилив)... Прилив. Он накатывает. Волнами. Может говорящий вот так Андрей и улыбающаяся кукла галлюцинация? А что — не галлюцинация? Евгений попытался ухватиться за наиболее разумную, наиболее настоящую часть окружающего его мира.

Зерна упали...

Зерна просят дождя...

Через час будет поздно...

Вышиби двери плечом...

Кто-то пел (это Павлик, этот долбаный Цой).

Евгений взял валяющуюся рядом пачку андреевского честерфилда, достал сигарету, сунул ее в рот. Закурил. Вот оно! Сигарета! Сигарета, теплая дымящаяся сигарета, из которой он сосет белое воздушное молоко. Молоко! Он готов утонуть в нем. Он готов пить, пить, пить его вечно. Вот реальность, вот за что он может зацепиться! Он вынул сигарету изо рта и посмотрел на нее. Евгений улыбнулся и мысленно поздравил себя с разрешенной задачей. Теперь у него имелось мощное подтверждение. Главное — не пролить ни капли. Осторожно, большим и указательным пальцами он обхватил ее у самого горлышка фильтром вниз. Ни в коем случае не пролить ни капли. Оно слишком дорогое. Оно слишком прошлое. Сигарет уже практически не продают, от этой мысли Евгению захотелось плакать. Сигареты запретили и больше не продают. Слезы подбирались все ближе и ближе. Во всем виноват Прилив. Он должен сберечь эту пачку. Он должен...

Евгений вздрогнул, когда Андрей, резко повернув голову, уставился на него своими черными зрачками, обрамленными покрасневшими белком. От миллиметровой роговицы не осталось и следа. Андрей заговорил тихим пищащим голосом, четко выговаривая каждую букву:

- Как-же-здесь-темно... Как же здесь пыльно. Отравленный воздух везде, — лицо Андрея искривила гримаса отвращения, — пыльно даже в зеркале! Стервы. Как же здесь темно и грязно. Хррр, слякоть даже в воздухе...

- Ах, Женя! Привет! Женя, знаешь одну сказку? Которую знаю только Я. Женя, ты знаешь сказку которую знаю только Я? Ты знаешь для чего эта повязка? — Андрей потыкал пальцем в закрытый правый глаз, — это повязка, для того чтобы лучше видеть, Женя. А ты знаешь сказку про эту дырочку? Андрей указал на свой лоб, это, третий знак, знаешь ли. Знак первой ночи. Да, первой ночи, Женя. Тогда было тихо, и пустота летала над ковчегом. Тогда не было голубя, Женя! Просто черная нимфетка пустота захотела большой хуй, который смог бы оплодотворить ее почерневший огородец.

Андрей еле слышно захихикал и прикрыл рот ладонью.

- Черная нимфетка, ты понимаешь? Черная нимфетка была первой ночью, Женя. А это знак первой ночи! Опять хихиканье. Сидящую на подоконнике куклу загородила подошедшая к окну, говорящая по телефону Светлана.

- Сука! Андрей стукнул кулаком по полу. Он согнул ноги (это у него получилось не сразу), сцепил их руками и положил голову между колен. Уставившись в пол, он начал раскачиваться, еле слышно бубня про какого-то Степу.

- Ебаная песнь, ебаная песнь, Степа! Степа, что ебаная спесь делает в моем мозгу? Скажи мне, Степа. Сте-па, где ты? Где? Где ты? Ебаная нимфоманка разебала мой мозг в серую клетку. Ты понимаешь, о чем Я, СТЕПА?! Клетку, Степа! В КЛЕТКУ! Андрей еще некоторое время что-то бормотал, но постепенно начал затихать.

Спину, руки, голову Евгения покрыли бегающие мурашки. Ему было страшно и холодно. Он ощутил себя заблудившимся мальчиком. Не самый лучший опыт с ЛСД. Ему срочно нужно подсесть к кому-нибудь, иначе он с ума сойдет. Евгений поднялся. Изогнув спину в дуге, он услышал, как его позвоночник громко захрустел, мозг пронзила сотня маленьких иголочек, в глазах потемнело. Мир поплыл. Чтобы не упасть, он оперся двумя руками о стену и стал ждать возвращения зрения.

5.

Его позвали.

- Женюся! Это была Светлана, она хлопала по освободившемуся слева от нее белому табурету, приглашая присоединиться.

Светлана. Его близкая подруга. Может быть даже любовь... Любовь, которую он совершенно не знал. Никто не знал Светлану. Можно ли любить, ничего не зная о том, кого любишь? Вопрос, на который у Евгения, пока не было ответа. Даже проведя с ней десяток ночей, наполненных жаркими объятьями и сочными оргазменными стонами, он не видел в ее горящих желанием глазах ничего нового, точнее — ничего личного. Она никогда не выходила из роли «Светы». Она не жаловалась на депрессию, она не жаловалась на проблемы с самоопределением. Она не страдала от неудавшихся романов. Она, по примеру своих подруг не проклинала сволочных мужиков... Наоборот, она всячески поддерживала легенду о себе как о благополучной успешной женщине, у которой все есть и все будет. Это раздражало, но одновременно и привлекало. Очень сильно привлекало. Последнее время их встречи становились все более частыми, а в разговоре с ней он начал замечать какой-то скрытый намек — неумолимое изменение давно знакомой мелодии, и если он не ошибался, хищную улыбку охотницы, установить значение которой было не трудно. Светлана наметила его в свои мужа и отца своих детей. Как не странно и это его тоже не особо пугало, скорее возбуждало. Культивировало давно занявшуюся покорность. Чего уж там, ему это нравилось.

Евгений медленно подошел к столу, заставленному пивными бутылкам и разнообразной посудой с закуска-

ми. Кивнул одетой в обтягивающая коричневую водолазку Свете, и сел. Садясь, он взглядом отдал должное ее идеальной груди, хорошо ему знакомой, но от этого не менее аппетитной.

6.

Напротив Светланы сидел стриженный под машинку мужичок лет шестидесяти с изрытым морщинами лицом. Одет он был во фланелевую рубашку в крупную белую и серую клетку. Под рубашкой виднелась белая майка. Мужичок, никак не отреагировав на подошедшего Женю, продолжал смотреть на пустой граненый стакан.

- Женька! — Светлана потрепала его по правой руке. Женька, я сейчас... Она икнула. — Ой, я сейчас, Степке рассказывала про ваш майский концерт. Вы так все здорово придумали. Степик, помнишь я тебе говорила, про Женьку и его группу? И как он все здорово придумал?

Степик кивнул и устался на Женю таким же пустым взглядом, каким мгновение назад смотрел на свой стакан.

- Ну? — спросил он, не выражающим ничего голосом.

- Что «ну»? — спросил Евгений.

- Хули ты лыбишься, пидр?

Евгений посмотрел На Светлану, та улыбнулась и пожала плечами.

- Что за группа? — спросил Степа.

- Вороны, — ответил Женя.

- Вороны, — повторил Степа, но без нужного удара на первой букве.

- Вороны, — поправил его Женя, Степа игнорировал замечание и продолжал не моргая смотреть ему в глаза.

- А что?

- Сыграй.

- Ой Женька сыграй! — подхватила Света и чуть сжала его руку (Евгений посмотрел на ее кисть, заметил свежий маникюр на красном поле три миниатюрные березки). — Женюсик, сыграй. Женюска, а сыграй «Рассвет»!

- Сыграй рассвет — по-прежнему без выражения попросил Степа.

- Публика требует, — улыбнулся Женя, он чуть нагнулся, нащупал валяющуюся на полу лютиковскую гитару и поднял ее за истертую сотнями пальцами черную деку.

Не моргающий Степа все больше напоминал скульптуру.

- Ну?

- Евгений на мгновение застыл, вылавливая щекочущие язык стихи, набрал первые аккорды и запел:

Прости меня, Мария!

Прости Иван...

День ушел безвозвратно.

День ушел.

Мы не увидим его.

Прости меня, Мария!

Прости Иван...

Но я знаю, что,

Рассвет, съели сумерки,

Рассвет, съели сумерки...

Злые сумерки!

Рассвет, съели сумерки,

Рассвет, съели сумерки...

Злые сумерки!

Когда-то небо было белой синевы.

Вы помните...

Когда-то день нам близок был.

Вы помните...

Ну, а сегодня...

Прости меня, Мария!

Прости Иван...

Рассвет, съели сумерки,

Рассвет, съели сумерки...

Злые сумерки!

Рассвет, съели сумерки,

Рассвет, съели сумерки...

Злые сумерки!

«Богородица дева, радуйся, благодатная Мария, господь с тобою, благословенна ты в женах и благословен плод чрева твоего, яко Спас родила и души наши»... Совершенно не к месту всплыла молитва Андрея. Евгений раздвоился - одна часть его сознания пела песню и без остановки чеканила стихи, вторая, наблюдала за происходящим вокруг и без устали повторяла молитву, будто та была песней записанной на компакт-диск, который на бесконечный повтор.

Рассвет оставит меня в лесу,

Рассвет отставит тебя одну.

Рассвет скажет прости:

Прости меня, Мария!

Прости Иван...

В зимнем лесу одна,

Нету ночи конца...

Прости меня, Мария!

Прости Иван...

Он оставил нас,

Навсегда!

Мир поменялся, не кардинально, не до неузнаваемости — визуальная оболочка была почти прежней, но вот основы и законы стали иными. Дышать стало сложнее. Воздух стал осязаем, становился плотнее и все больше походил на воду. Евгений видел извлекаемую им музыку — она волнами расходилась по всей кухне. Он посмотрел на своего собеседника, — после того как волна коснулась степинового лица, все его многочисленные морщины пришли в движение, извиваясь, они постепенно увеличивались в размерах и расплываясь по лицу. Уже через пару секунд это самое лицо полностью исчезло. Оно превратилось в островок кишачих темно-розовых змей.

Евгений вздохнул. Холод прошел по его позвоночнику, и расположился где-то в затылке. Сердце сбилось с привычного ритма и пустилось в бешеный, безостановочный пляс. С каждой нотой страх проникал в каждую клетку его тела.

Исход будет у реки...

Он зажмурился. Главное, не видеть это лицо (НО ЭТО НЕ ЛИЦО!). Главное, не видеть это змеиное гнездо, с двумя яйцами покрытыми красными трещинками. С яйцами, на месте глазных яблок, — собравшиеся в кольца шипящие змеи охраняли своих невылупившихся детенышей.

Евгений повернул голову и, прищурившись, посмотрел на Светлану. Она исчезла, ее смысл созданный им прилив. Волны размазали ее образ по какой-то изогнутой поверхности. От Светланы остался только танцующий силуэт, как в комнате кривых зеркал. Это же случилось и с другими. Кухня, то место где он был ранее — исчезла. Он был в вакууме. В пузыре, кроме него и Степы, здесь никого не было. Главное, продолжать играть, каким-то глубоким внутренним чувством он знал, что его музыка, его песня, были единственным оружием, единственной защитой. Если он перестанет играть. Если он закроет рот и позволит себе утонуть в уже родившемся вопле ужаса, если он уступит таранящему страху, в этом нарастающем каждую минуту гнете сумасшествия, то застывшие вокруг волны сомкнутся над его головой, и он захлебнется в этих нереальных водах, словно маленький мальчик, заигравшийся в глубокой ванне. «...*Богородица Дева, благодатная Мария, Господь с Тобою! Благословенна Ты в женах и благословен плод чрева Твоего, ты Спас родила в душах наших*»...

Мимо, ветром пронесся эхообразный растекающийся смех. Степа говорил, но раскрывающиеся губы-змеи не попадали в такт словам, не могли, — его голос был помесью плещущей воды и бьющегося стекла: «Позже

будет лучше Мальчик Ухмыльун. Позже будет лучше. Ха! Мальчик Умыльун и Мальчик Друг Пидараст. Не подаст. Все твои спутники войны без руки. Рассвет будет у реки. Но никто не подаст руки! Зубы вгрызутся в его царскую плоть и золото прольется. Кровь остынет. Небо желанного не увидит».

Никто не подаст руки...

- Мы будем больше не дальше и не позже. Расчисти берег у реки, ведь лес уж наклонился и смотрит в воды у воды. Смотрит на себя. Он не должен делать это. Так!

Рассвет будет у реки. Так! На берегу холодной как ночь реки. Никто не подаст руки!

*Исход будет у реки,
Никто не подаст руки.
Рассвет, там на берегу -
Съели сумерки.
Рассвет, на берегу -
Съели сумерки,
Злые сумерки...*

*Прости меня, Мария!
Прости Иван...
Рассвет, оставил меня в лесу,
Рассвет, оставил тебя одну...
Оставил тебя одну...
Рассвет съели сумерки...
Злые сумерки...*

Голову Евгения заполняли голоса. Он уже не мог выделить себя из их массы. Главное продолжать играть. Главное не останавливаться. «О! Я не хочу увидеть ваших глаз, когда поведаю историю о вас»... «ПУСТЬ ТВОИ ЖАЛКИЕ ВОПЛИ УТОНУТ В ГОВНЕ! УТОНУТ В ГОВНЕ! ТАК! Твой жалобный плач будет прохладой тенистой. В ней тополя взойдут. Так!» «...*благодатная Мария, господь с тобою, благословен плод чрева твоего! ты спас родила и души наши!*»... Евгений застонал, мир начал покрываться трещинами, готовясь взорваться мелкими осколками, чтобы затем окончательно исчезнуть. Его затошнило, голову заполнила барабаниющая боль, окружающее завертелось плохо сбалансированной каруселью. Он с силой бросил гитару, вцепился в голову и закричал. Закричал, чтобы заглушить нарастающий звук бьющегося стекла и плещущей воды... «Нет, нет, Женя, нет! Нет, Женя, нет! Женя, нет. Нет, Женя, нет, Женя, нет! Женя... Гром растет, он превратится в гладкую атласную СКАТЕРТЬ»!!! Степа смотрит на него своими смеющимися галечными глазами-яйцами и что-то говорит, Евгений все еще может различить его слова: «все, что я

слышал в твоём исполнении не гадость, а размазанное на подошве моих ботинок дерьмо». Смеясь, он собирается показать ему эту подошву: «Я как раз наступил сегодня в подъезде на кучку, сейчас покажу» Степа нагинается, что бы снять ботинок...

7.

- Нет, Женя, нет!!! — Он пришел в себя в объятьях протрезвевшего Андрея и Павлика Никишина, те, схватив его за руки, спасали зашедшего Олега от надвигающейся травмы.

- Тпррр, тпррр — Павлик пытался отобрать у него поднятую для удара гитару.

- Жень спокойно. Свои, свои, свои, — запыхавшись, тараторил Андрей.

- ГДЕ ЭТА СВОЛОЧЬ? ГДЕ ЭТА СВОЛОЧЬ?! ГДЕ?! ГДЕ ОН?!

- Как я удачно зашел — сказал Олег, беря со стола бутылку пива и с любопытством заглядывая в горлышко, а с чем пиво-то?

- Где этот ГАНДОН????!!!

- Сядь, сядь, - Андрей не без усилий заставил его сесть на подвернувшийся табурет.

- Ты про кого?

- Про Степу! Где этот Степа. Где Он?

- Какой еще Степа?

Евгений посмотрел на стоящую рядом Светлану.

- Светка, где он? Где?

- Кто?

- СТЕПА!

Павлик загоготал.

- Ого, как его плющит.

- Какой Степа? — широко открыв глаза, спросила Света.

- Напротив тебя сидел, морщинистый ХЕР в серой рубашке. Ты сказала, что его зовут СТЕПА!

- Когда?

- СЕЙЧАС БЛЯДЬ!!!

- Тише, тише — какой еще морщинистый хер, Жень? — спросил Андрей.

- Он здесь сидел. Евгений указал на пустой табурет расположенный прямо у входа на кухню.

Светлана посмотрела на Андрея.

- Андрей, ты что ему дал? У тебя мозгов совсем не осталось? Жень, после того как ты подсел ко мне и начал играть, на этом стуле никто не сидел...

Прошло не меньше получаса, прежде чем Евгений смог прийти в себя. Его память о произошедшем к тому времени почти полностью испарилась. Остались только нечеткие следы. Понять их значение он мог только с посторонней помощью, сам он мало что мог вспомнить из того, что произошло между тем, как он уселся поговорить с Андреем о майском концерте и моментом, когда его с занесенной над головой гитарой оттягивали от ошарашенного Олега, которого он называл Степой.

Да, он помнил, что говорил с кем-то по имени Степа, но он не помнил, о чем они говорили. Он также не помнил, что его разозлило и почему он начал размахивать гитарой.

Да, он помнил, как что-то пел. Нет, он не помнил стихов и музыки так заинтересовавшей всех песни. Песню он не помнил, и это было плохо. Ее хвалили. Ему рассказали, что та состояла из четырех куплетов. Собравшиеся попытались восстановить стихи по памяти, но вспомнили только припев. Припев ему понравился.

Единственное, что он вынес невредимым из своего туманного путешествия, это липкий страх, который словно скользкий червь-паразит, проникнув в него, спрятался где-то глубоко внутри, готовый, по первому сигналу, вновь выползти наружу.

8.

Промозглая зимняя ночь, воцарившаяся в его «Жигулях», с неохотой уступала завоеванную территорию теплему согревающему воздуху, выкашливаемому барахлящей печкой. Подняв воротник, поглубже натянув красную вязаную шапку на уши и скрестив руки, Евгений пытался согреться. Все казалось до отвращения влажным, особенно сиденья — холодные паралоновые сиденья шестерки, по ощущениям они походили на размякший под дождем матрас. Проклятье. Ну ничего, еще десять минут, как раз до прихода Светы, помучиться и в машине заметно потеплеет. Можно будет ехать домой. Ночевать он будет у нее. После крепкого кофе и вполне вероятного секса (когда он уходил, до боли нежные глаза Светланы обещали нечто незабываемое), он попробует вспомнить ту песню, которая так всем понравилась.

Декабрь 2011 г. — Апрель 2012 г.